

Гусельцева М.С. Теоретико-методологические основы гармонизации процессов социализации, индивидуализации и идентичности личности в условиях транзитивного общества

ГУСЕЛЬЦЕВА М.С. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ, ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

English version: [Guseltseva M.S. Theoretical and methodological foundations of the harmonization processes of socialization, individualization and identity of the person in the conditions of transitive society](#)

Психологический институт, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

С позиции культурно-аналитического подхода показано, что для изучения специфики процессов социализации, индивидуализации и идентичности личности в условиях транзитивного общества психологическая наука нуждается в разработке адекватной современности модели культуры, в конструировании методологии и терминологии, позволяющих исследовать новые, становящиеся и неочевидные для прежней исследовательской оптики реальности. Социализация в транзитивном обществе отличается не только рядом особенностей и свойств, непосредственно связанных с изменениями культуры и образа жизни, но и является сложным конструктом, предполагающим аналитический подход: выделение в данном конструкте разных ситуативных граней и дополнительную терминологическую дифференциацию изучаемой социально-психологической реальности. Современная социализация подрастающих поколений подразумевает способности к конструированию идентичности и активному освоению жизненной среды; опору не только на культурное наследие и прогрессивные цивилизационные тренды, но и освобождение от контрпродуктивных социальных представлений и исторических традиций. Важную роль здесь играет соотнесение процессов социализации с культурно-историческим контекстом, а именно с учетом ресурсов модернизации (личностных, национальных, общекультурных), если понимать под модернизацией трансформацию общества и личности в современность. Рисками сложности и разнообразия процессов социализации в транзитивном обществе становится тот факт, что социализированность личности на одном уровне культуры и в пределах одной социальной группы может сосуществовать или вступать в противоречие с несоциализированностью личности на иных уровнях культуры и в других социальных группах. Проблемой для психологического изучения особенностей социализации детей и подростков, а также феноменов ресоциализации в трансформирующемся обществе остается постижение механизмов перехода маргинальных социокультурных движений или субкультур в магистральные линии развития культуры. В этой связи изучение феноменов социализации требует дополнения историко-эволюционных методологических стратегий субъектно-аналитическими (выводя на передний план изменения субъективности в исторической динамике общества), а историко-генетического подхода культурно-аналитическим, учитывающим прежде всего тенденции неочевидных интеллектуальных и социокультурных движений.

Ключевые слова: методология, культурно-аналитический подход, культура, транзитивное общество, социализация, индивидуализация, социализированность, латентные традиции и движения культуры, трансформация в современность

Рубеж XX–XXI вв. стал временем осмысления значимости роли культуры в социальной, политической, экономической, образовательной жизни. В постнеклассической эпистемологии на передний план анализа вышли культурные факторы и постматериалистические ценности, связанные с самоосуществлением человека. Социокультурная ситуация XXI в. осмысливается целым рядом ученых в категориях «текущая современность» (З.Бауман), «ускользающий мир» (Э.Гидденс), «общество риска» (У.Бек), «транзитивность» (Т.Д.Марцинковская), вызовы неопределенности, сложности и разнообразия (А.Г.Асмолов). Глобальные цивилизационные сдвиги и ментальные трансформации, насыщенность культуры новыми информационными ресурсами и технологиями повлекли за собой необходимость модернизации психологической науки. Изменившаяся реальность, преломляясь в методологии современной психологии, потребовала введения в ткань психологической науки таких новых и трансдисциплинарных категорий, как «транзитивность», «информационная социализация», «текущая социализация» [Марцинковская, 2012, 2013, 2015], а также новых исследовательских конструкторов и характеристик: неопределенности, изменчивости, разнообразия, когнитивной сложности [Асмолов, 2012, 2015; Белинская, 2005; Знаков, 2015, 2016; Корнилова, 2006, 2014; Леонтьев, 2011, 2016; Поддяжков, 2014; Сергиенко, 2011, 2012]. Изменяющаяся на глазах одного поколения современность ставит перед психологией совершенно новые проблемы, требующие многомерного и разностороннего анализа культурно-психологических феноменов, отличающихся повышенной онтологической и гносеологической сложностью; сотрудничества не только с естествознанием, но и с науками о человеке; совмещения разнообразных дискурсов и исследовательских стратегий в трактовке психического. В качестве методологической проблемы обозначенные вызовы современности осмысливаются как в психологии, так и в смежных науках. Важную роль здесь играют интеллектуальные движения, связанные с идеями трансдисциплинарности и полипарадигмальности науки, смешанными (количественными и качественными) методами [Мельникова, Хорошилов, 2014; Bryman, 2007; Creswell, 2003; de Lisle, 2011; Terrell, 2012; Thurmond, 2001]. В этом ключе конструктивным трендом в отечественной психологической науке является идея наведения «межпарадигмальных мостов» (Е.А.Сергиенко) между историко-эволюционным, историко-генетическим, культурно-аналитическим, субъектно-системным, субъектно-аналитическим и другими подходами [Сергиенко, 2016].

С позиции культурно-аналитического подхода психологическая наука прежде всего нуждается в разработке адекватной современности модели культуры, поиска новых методологий и терминологии, позволяющих исследовать новые, становящиеся и неочевидные для прежней исследовательской оптики реальности. В этом плане данная статья продолжает серию наших исследований о феномене культуры в качестве многослойной и разноуровневой реальности, о неочевидной, но приоритетной значимости идеи культуры и культурно-психологического анализа в образовательной политике; о роли культурных образцов и образов достойного будущего в позитивной социализации современных детей и подростков [Гусельцева, 2015a, 2015b, 2015c, 2015d]. На наш взгляд, все еще недостаточно осмыслена именно в контексте психологии современности роль культуры как аксиологической основы для формирования позитивной социализации подрастающих поколений, гражданской идентичности, а также факторы и условия для конструктивного диалога разнообразных социальных групп в мозаичной трансформирующейся реальности.

В этой связи следует отметить, что современная социокультурная ситуация, сложившаяся в российском обществе к первому десятилетию XXI в., отличается рисками неизжитых и неосмысленных культурных травм, отсутствием общественного согласия (по сути – не прекращающейся на протяжении всего XX в. холодной гражданской войной) [1], трендом в архаику как защитным механизмом при столкновении нестабильной социальной системы с повышенной сложностью информационного общества. Все это требует как полномасштабного трансдисциплинарного анализа, так и опережающих конструктивных усилий в сфере образовательной политики и психологического просвещения, где закладывается будущее страны.

Культурно-аналитический подход в этом плане – одна из методологических стратегий, предназначенных для работы со сложными современными реальностями, позволяющая, прежде всего, дифференцировать и интегрировать культурно-психологические аспекты развития последних. Продуктивность культурно-аналитического подхода в качестве постнеклассической методологии обусловлена тем, что он содержит инструментарий, освобождающий сознание из плена социальных мифов и стереотипов, позволяя

заглянуть по ту сторону реальности. Культурно-аналитический подход опирается на находки постструктурализма, связанные с защитой сознания от власти идеологии; использует аналитические методы М.Фуко, вскрывшего подоплеку неочевидных властных отношений в обществе (например, роль власти в производстве знания) и показавшего культурно-историческую относительность тех интеллектуальных конструкций, которые видятся современникам незыблемыми; приемы деконструкции Ж.Деррида и реконтекстуализации Р.Рорти; аналитические стратегии изучения повседневности М.Серто (см.: [Гусельцева, 2013]). Таким образом, культурно-аналитический подход разграничивает представление о реальности и роль в его производстве устаревших методологических оптик, навязываемых как официальной идеологией, так и традицией сложившихся дискурсов [Гусельцева, 2015г].

Гармонизация процессов социализации, индивидуализации и становления идентичности в транзитивном обществе

Культурно-аналитический подход – методологическая стратегия интеграции гуманитарных аспектов психологического знания, которая также обеспечивает перевод философских и общенаучных идей в концептуальные поля психологии. Таким образом, культурно-аналитический подход служит инструментом для решения исследовательских задач на стыке психологии и социогуманитарного знания. Он выступает в двух ракурсах – как *историко-методологический анализ* (при взгляде в прошлое), выявляющий интеллектуальные традиции и методологические предпосылки психологических подходов и школ, и как *исследовательская программа* (при взгляде в будущее), помогающая продиагностировать и выстроить контуры новых направлений [Гусельцева, 2015а].

Социализация в транзитивном обществе отличается не только рядом особенностей и новых свойств, непосредственно связанных с изменениями культуры и образа жизни, но и является сложным конструктом, предполагающим особый культурно-аналитический взгляд: выделение в нем разных граней и терминологическую дифференциацию.

Под социализацией в самом общем смысле мы будем понимать достижение социализированности личности в определенном типе культуры.

Социализация в транзитивном обществе совершается на разных уровнях – персональном, межличностном (или групповом) и социокультурном [Марцинковская, 2015]. При этом нередко социализированность человека на одном уровне сочетается с проблематичностью социализированности или несоциализированностью на ином уровне. Таким образом, выделение слоев и уровней социализации в транзитивном обществе показывает не только сложность структуры, но и амбивалентное содержание данного понятия. Например, человек может быть успешно социализирован в своей субкультуре (этнической, профессиональной, досуговой), но при этом та социальная группа, с которой он идентифицируется, является не социализированной по отношению к преобладающему образу жизни, принятому в данной культуре в целом [Там же].

Следует отметить, что «социализация» является не только психологическим, но и общенаучным и трансдисциплинарным понятием. Таким образом, ее трактовка зависит от имплицитной модели культуры, которая заложена в основание того или исследования. Так, в рамках культурно-аналитического подхода, рассматривающего модернизацию российского общества как трансформацию к современности, социализация в широком смысле слова представляет собой целый комплекс культурных инструментов самоформирования идентичности, социальных компетенций и жизненных практик, включающий в том числе научный стиль мышления, способность критического суждения, саморефлексивность, готовность к самостроительству и социальному активизму. Таким образом, социализация в широком смысле слова включает и процессы социальной адаптации, и индивидуализации личности, и становления разных типов идентичности человека. Социализация же, понимаемая в узком смысле слова как усвоение социокультурных практик, неявных правил и моделей жизни в данном обществе, может рассматриваться в соотношении с процессами индивидуализации как самостоятельный феномен.

В свое время Г.М.Андреева предложила следующее определение социализации: «двусторонний процесс,

включающий... с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны (часто недостаточно подчеркиваемой в исследованиях), процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [Андреева, 1994]. Однако на сегодняшний день даже такое понимания социализации оказывается недостаточным, ибо оно не учитывает автопоэтическую деятельность субъекта, то есть социализацию путем не интерио-, а экстериоризации внутреннего содержания, а также аспекты переживания и личностного отношения к реальности в процессе ее интернализации. В современном социогуманитарном познании эти идеи развиваются в русле субъектно-ориентированных подходов и движений социального активизма [Знаков, 2016; Раунинг, 2012].

Позитивными характеристиками интеллектуально-личностного развития человека в современном мире являются критическое мышление и *рефлексивность* (рефлексивная сложность). А. Маслоу подчеркивал роль рефлексивности в развитии личности и осуществлении успешного жизненного проекта (самореализации) [Маслоу, 1997]. Культурно-историческим изменениям рефлексивности посвящен ряд работ современных социологов и философов. «Индивид первой современности рефлексивен, то есть ориентирован на свое отношение с объектом, на *объективное знание*. Индивид второй современности рефлексивен, то есть направляет свое сознание на совершение выбора, отвечающего лишь его склонностям и часто несущего дестабилизацию. Его выбор не линейен, не ограничен в прежней мере структурами и нормами, такими как гражданское общество, государство, класс, семья, право, мораль, контракт. Его представления подвижны, ситуативны, иррациональны» [Федотова, 2005, с. 4].

Социализация современных детей и подростков в транзитивном обществе в идеале нацелена на развитие личной автономии (индивидуализации), психологической зрелости (персональной ответственности и саморефлексивности), способности к конструированию идентичности и активному освоению жизненной среды. Поскольку это социализация, готовящая для жизни в современном, а не в архаичном обществе, она предполагает переход от образа жертвы (см.: [Петрановская, 2013, 2016]) и пассивного наблюдателя текущих событий к активному самоконструированию жизни. В этом смысле социализация опирается на ресурс модернизации (личностный и национальный, общекультурный), если понимать здесь под модернизацией трансформацию в современность [Гусельцева, 2015b]).

Социализация поколений, подрастающих в транзитивном обществе, подразумевает опору не только на культурное наследие и прогрессивные цивилизационные тренды, но и освобождение от контрпродуктивных социальных представлений и исторических традиций. При этом довольно трудно предложить позитивную и универсальную (общую) модель социализации в ситуации, когда страна переживает процессы трансформации, находится в ценностном дриблинге; когда общество расколото, например, на европейскую и азиатскую идентичность; на модернистские и архаические установки; на либеральное и традиционалистское мировоззрение; на научную рациональность и религиозную вовлеченность [Банников, 2013; Прохорова, 2015; Петрановская, 2016].

На наш взгляд, в такой ситуации имеет смысл обсуждать две трактовки социализации. Во-первых, претендующее на универсальность (общность) понятие и определение, которые можно транслировать из культуры в культуру, из одной социальной системы в иную систему. Таким общим понятием может быть понимание социализации как достижение личностной зрелости и готовности жить и действовать, реализоваться и быть востребованным в конкретной социальной среде и обществе в целом. Во-вторых, ценностно нагруженное понятие, задающее определенные идеалы жизни в обществе, – социализация, отвечающая ожиданиям от человека в той или иной социокультурной среде, что, в свою очередь, предполагает разные модели социализации. Так, в качестве наиболее радикального примера подобной ситуации сравним ожидания от социализации подрастающих поколений в Германии 1930–1940-х гг. и ожидания от социализации детей и подростков в Германии после 1960-х гг. (в ФРГ и в ГДР). Очевидно, что в каждом конкретном случае мы имеем дело с разными идеалами и моделями социализации (см. также: [Левинсон, 2010]).

Этот иллюстративный пример позволяет нам развести структуру (строгую форму) и содержание (ценностную нагруженность) феномена социализации.

Таким образом, социализацией в широком смысле слова мы можем считать определенную модель социальности. Эта модель отличается внутренней антиномичностью и сложностью, поскольку должна учитывать разнонаправленные процессы: с одной стороны, адаптированность личности к сложившейся социальной системе, в которой молодому человеку предстоит взрослеть, развиваться и жить; с другой стороны, преадаптивность – то есть те качества индивидуальности, которые делают человека открытым и готовым к будущему (например, компетенции, позволяющие профессионально и личностно состояться не только в определенной социокультурной среде, но и в глобальном мире). Иными словами, сама по себе концептуализация феномена социализации в наши дни содержит внутреннее противоречие (например, включая антиномии территориальной / региональной идентичности и планетарной идентичности [2]).

Разные модели социализации задают и критерии субъективной успешности человека. Так, неукорененность на малой родине, в локальной социокультурной ситуации создает стимулы и возможности для человека, например, преодолеть традиционный уклад сельского образа жизни и найти свое место в городской среде. Человек, жестко не социализированный в этнической или национальной культуре, имеет больше шансов гармонично вписаться в транснациональную компанию. Будем ли мы считать лучше социализированным человека, органично устроившегося в определенной местности – клане, территории, стране в целом, или способного обрести идентичность в глобальном мире, зависит от системы отсчета, то есть той модели социализации, с которой мы соотносим его жизненный путь.

В свете концептуальных представлений теоретика российского постиндустриального общества В.Л.Иноземцева [Иноземцев, 2000, 2013], а также историко-эволюционного подхода к социокультурной модернизации А.Г.Асмолова [Асмолов, 2012]), эффективная социализация – это не адаптация к стилистике жизни сложившейся политической системы, а готовность к грядущему, способность отвечать на вызовы современности (даже если большинство населения страны выбирает консервативный тренд, или путь в архаику). При такой трактовке здесь обнаруживается парадокс: быть успешно социализированным по отношению к современности нередко означает быть неадаптированным и, следовательно, готовым к персональным неприятностям в локальной социокультурной среде. Так, на языке историко-эволюционного подхода А.Г.Асмолова неадаптивность (не путать с дезадаптацией) индивида есть цена за адаптацию вида: для того чтобы социокультурная система эффективно развивалась, необходимы люди, которые кладут свою жизнь на «бодание тельца с дубом» (см.: [Солженицын, 1975]). Критерии же оценки социализированности такого типа людей не могут быть однозначными. Иллюстративный пример представляет биография самого А.И.Солженицына, который в 1945–1953 гг. был политзаключенным (в 1956 г. освобожден от судимости «за отсутствием в его действиях состава преступления»); в 1960–1970-е гг. преследовался советским режимом как диссидент (в 1974 г. выслан из страны), а в 1990-е гг. с почестями вернулся на родину. Таким образом, не будучи социализированным в сталинской и брежневской системах, А.И.Солженицын являлся востребованным общественным деятелем как в годы перестройки, так и в постсоветской России.

Этот иллюстративный пример побуждает нас задуматься о связи социализации подрастающих поколений с модернизацией общества [3]. Векторы эффективности социализации могут как совпадать с трансформирующимся социумом, так и выступать вопреки преобладающим трендам (например, в ситуации демодернизации общества). Залогом успешной социокультурной модернизации является идентичность личности, способной к разумному балансу между изменениями, инновациями и сохранением культурных традиций. Таким образом, социализация к современности, если не опережает, то является предпосылкой успешности трансформационных процессов [Гусельцева, 2015с]. Взаимосвязь социокультурной модернизации и социализации подрастающих поколений представляет собой двусторонний процесс: для успешной модернизации общества необходима критическая масса подрастающего поколения, социализированного к современности (иными словами, не воспроизводящими негативные «жизненные сценарии» традиционалистской культуры). Однако без государственной поддержки (политической воли) и участия в процессе социокультурной модернизации системы образования такая социализация имеет меньшие шансы состояться. Более того, молодежь, социализированная к современности, может оказаться маргинальной и преследуемой в традиционалистском обществе группой.

В заключение отметим, что для описания разнообразия процессов социализации, индивидуализации и

становления идентичности в современном транзитивном мире нам недостаточно одного термина «социализация», ибо под ним скрываются не только требующие более детальной дифференциации, но и зачастую разнонаправленные процессы. Так, например, социализация к современности и социализация в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществах побуждают к разработке новой терминологии для различения и сравнительного анализа обозначенных процессов. Если термины «информационная социализация» (Т.Д.Марцинковская), «ресоциализация» и «позитивная социализация» описывают отдельные аспекты трансформирующейся современности, то для более углубленного культурно-аналитического и компаративистского анализа терминология представляет собой проблему. Имеет смысл также ввести конструкты «архаическая социализация» (социализация к консервативному прошлому) и «латентная социализация», подразумевающая скрытые и неочевидные процессы личностного развития.

Методологическая стратегия анализа латентных линий

Аналитика повседневности является общенаучной методологической стратегией как психологии, так и смежных наук. Так, в недавних исследованиях Е.М.Шульман (в политологии), Э.Л.Панеях (в социологии) обращаются к неочевидным и разрозненным, на первый взгляд, тенденциям и движениям, которые складываются в мозаику латентной социокультурной модернизации современного российского общества. Здесь важно отметить, что трансформация в современность происходит не на магистральных линиях культуры, а в пространстве ее сложных и мало заметных периферийных движений. «Проблема в том, что социальная ткань – не фарш, а нечто обратное: хрупкая, хотя и довольно гибкая структура, базирующаяся на доверии, предсказуемости и определенной прозрачности людей друг для друга. Режим в курсе выбора "развалиться или демократизироваться" и лихорадочно ищет третий путь: развалить нас. Не нас как оппозицию, "креативный класс" или какую-нибудь сознательную часть общества. А нас как общество вообще: социальную ткань, межчеловеческие связи, механизмы взаимной поддержки, способность к совместной деятельности», – пишет Э.Л.Панеях [Панеях, 2015]. А.А.Архангельский прослеживает, как в стране с неотработанной культурной травмой спонтанно и латентно рождается *новая этика* (на наш взгляд, это свидетельство более глобального тренда – зарождения общественного договора: так, в европейской модели модернизации общественным договором заканчивались гражданские войны, «горячие» и «холодные», в результате чего возникало *современное* правовое государство) [Архангельский, 2016]. Е.М.Шульман в свойственном ей оптимистическом ключе отмечает, что текущая волна модернизации посвящена новым нравам, новым правилам и новой прозрачности, а ключевыми аналитическими понятиями здесь становятся «горизонталь», «сеть» и «транспарентность» [Шульман, 2015].

Культурно-аналитический подход обращается к изучению латентного развития тех или иных интеллектуальных движений и исследовательских традиций. Продуктивной для анализа процессов социализации, индивидуализации и идентичности личности в условиях транзитивного общества представляется концепция *неодновременности современности* немецкого философа Э.Блоха (см.: [Вершинин, 2001]), подразумевающаяся модель сложных и амбивалентных взаимоотношений между культурными слоями и социальными группами внутри одной эпохи. Термином «латенция» мы также обязаны этому ученому, ибо латенции (скрытые тенденции) – конструкт, возникший в контексте названной концепции. Наряду с концепцией неодновременности современности Э.Блоха эвристичным для анализа современности представляется также понятие *большой и малой культурной традиции*, предложенное историком культуры И.Г.Яковенко, который показал в эволюции культуры роль и разнообразие латентных линий развития [Яковенко, 2013]. С позиции культурно-аналитического подхода эти конструкты позволяют нам сегодня увидеть и оценить не только скрытую динамику эволюции науки и значимость латентного знания, но и изучить те маргинальные группы и социокультурные движения, которые способны стать магистральными линиями будущего развития культуры. Ибо именно так и работают механизмы непредсказуемости (Ю.М.Лотман) в культуре: то, что сегодня считается классическим наследием, в свое время было периферийной и маргинальной сферой деятельности. Иллюстративные примеры этому мы обнаруживаем прежде всего в сфере научного творчества и искусства (см., например: [Ландрам, 1997]).

Латентные культурные традиции отличаются не только топологией магистральных и маргинальных линий в развитии культуры, разными картинами мира, образами будущего и даже методологической

оптикой [Гусельцева, 2015а], но именно творящие их интеллектуальные и социальные меньшинства, неформальные молодежные сообщества, еретические и диссидентские движения вырабатывают инновации, служащие потенциальной основой для неожиданных и глобальных перемен.

В этой связи важной проблемой для психологического изучения особенностей социализации подрастающих поколений в трансформирующемся общества остается механизм перехода маргинальных социокультурных движений или субкультур в магистральные тренды развития культуры. В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода культура концептуализирована в качестве сложной многомерной реальности, в которой выделены разные уровни анализа: *культура-ноосфера* (общечеловеческая культура в целом с позиции макроанализа), *культуры-этноты* (национальные культуры), *культуры-миры* (разнообразные конфигурации культуры с позиции микроанализа), *культуры-психотехники* (цивилизационные этапы развития культуры с позиции изучения ментальности). Каждая из локальных культур представляет самобытную индивидуальность, сочетая общецивилизационные тенденции развития и оригинальный исторический путь, нередко «жизненный сценарий» (что в наши дни метафорически называют «генетическим кодом культуры»). Общие закономерности развития и типология локальных культур систематизированы в культурно-аналитическом подходе посредством идеальных моделей – динамической, феноменологической, типологической, структурной [Гусельцева, 2007]. Изучение же социализации детей и подростков приобретает в этом ракурсе не только историко-генетический план анализа, но и культурно-аналитический, учитывающий тенденции неочевидных интеллектуальных и социокультурных движений. Таким образом, методологическая стратегия анализа латентных линий позволяет нам создать не только более сложное представление о социализации, но и представить ее в качестве живого, противоречивого процесса, взаимообусловленного трансформациями социокультурной реальности.

Заключение

Социокультурная ситуация, сложившаяся на рубеже XX–XXI вв., характеризуется транзитивностью, признаками транснациональных и трансдисциплинарных движений. В сфере эпистемологии речь идет о становлении постнеклассической картины мира; в эволюции общества – переход от традиционного к модернистскому и постмодернистскому, от аграрных и индустриальных типов культуры – к постиндустриальным и информационным. Все эти процессы при взгляде с птичьего полета превращаются для нас в единый поток перемен, поэтому, даже анализируя их по отдельности, мы не должны терять ракурса их рассмотрения как единой картины реальности.

Особенностью современной социокультурной ситуации является возрастающая сложность и непредсказуемость поведения человека в разнообразии неопределенных и неустойчивых жизненных миров. Современное общество транзитивно, то есть нестабильно и подвержено стремительным социальным изменениям. Чтобы сконструировать адекватное поведение, человеку не только необходимо обладать определенными психологическими качествами (социализированностью, личностной зрелостью), но и правильно интерпретировать как ближайшие микросоциальные ситуации, так и глобальные макросоциальные перспективы развития. Необходимым личностным конструктом в таких условиях становится эволюция *когнитивной сложности* (Дж.Келли), соответствующая информационной сложности современной культуры. Однако для анализа изменения идентичности в транзитивном обществе названного конструкта недостаточно, поскольку он охватывает лишь когнитивное измерение человеческого бытия. Необходим конструкт, учитывающий толерантность к неопределенности, готовность ответственно действовать в ситуации нестабильности, свэрхрефлексивность, солидарность и самодостаточность, экзистенциальный конструктивизм (способность к самостроительству и конструированию своего жизненного пути). Таким конструктом, охватывающим разные планы описываемой реальности, на наш взгляд, может стать *конструктивная сложность*.

Наряду с этим обозначенные эпистемологические тенденции стимулируют разработку методологии, учитывающей состояние многомерности, которая, дифференцируя исследуемую реальность по разным основаниям, одновременно позволяет работать как с индивидуальными различиями и своеобразием, так и интегрировать полученные результаты в целостную картину реальности. Явно или неявно большинство современных подходов к изучению социализации детей и подростков поддерживает

принципы системности и развития, ориентируется на идеалы постнеклассической рациональности, стремится к трансдисциплинарности, использует смешанные методы и методологии. При этом классическое психологическое наследие не отвергается, а переосмысливается в связи с современностью; универсальные модели не нивелирует, а усиливают уникальные ракурсы исследования; как строгость, так и гибкость методологии не подавляют, а поддерживают эмпирические исследования. Лишь деля между собой сферы влияния, психологические подходы способны охватить полноту и сложность изучаемой реальности. Так, историко-эволюционный и историко-генетический подходы направлены на разные аспекты изучения эволюции и развития психологических феноменов; культурно-аналитический подход стремится к кропотливому учету контекстуального социокультурного и культурно-исторического разнообразия, нюансированию изучаемой реальности; субъектно-системный и субъектно-аналитический подходы обращаются к проблематике развивающегося субъекта как психологической системы и экзистенциального разнообразия (подробнее см.: [Журавлев, Сергиенко, 2016]).

Финансирование

Работа выполнена в рамках госзадания, проект 1752.

Литература

- Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Наука, 1994. <http://psylib.org.ua/books/andrg01/>
- Архангельский А.А. Распаренная совесть. Колта.ру, 2016, <http://www.colta.ru/articles/society/12330>
- Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурная перспектива. М.: Просвещение, 2012.
- Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. Психологические исследования, 2015, 40(8), 1. <http://psystudy.ru>
- Банников К. Архаический синдром. О современности вневременного. Отечественные записки, 2013, No. 1. <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennyye-zapiski/o1-2013/19611-arhaicheskiy-sindrom-o-sovremennosti-vnevremennogo.html>
- Бауман З. [Bauman Z.] Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бек У. [Beck U.] Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.
- Вершинин С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2001.
- Гидденс Э. [Giddens A.] Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
- Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.
- Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к социализации личности в транзитивном обществе. Психологія особистості: Науковий теоретико-методологічний і прикладний психологічний журнал, 2013, 1(4), 20–38.
- Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к эволюции психологического знания: дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 2015a, <http://www.pirao.ru/images/thesis-presentations/GuseltsevaMS/GuseltsevaMS-thesis.pdf>

Гусельцева М.С. Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации детей и подростков: идея культуры. Образовательная политика, 2015b, 1(67), 29–44.

Гусельцева М.С. Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации детей и подростков: идея модернизации. Образовательная политика, 2015с, 2(68), 6–26.

Гусельцева М.С. Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации детей и подростков: ценности гуманизма. Образовательная политика, 2015d, 4(70), 12–32.

Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. (Ред.). Разработка и реализация принципа развития в современной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Знаков В.В. Субъектно-аналитический подход в психологии понимания. Психологические исследования, 2015, 8(42), 12. <http://psystudy.ru>

Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие. М.: Московская школа политических исследований, 2013.

Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.

Калинин И. (Сост.). «Холодная гражданская война». Раскол венгерского общества. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Корнилова Т.В. Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора. Психологические исследования, 2014, 36(7), 2. <http://psystudy.ru>

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска. Психологические исследования, 2015, 40(8), 3. <http://psystudy.ru>

Ландрам Дж.Н. Четырнадцать гениев, которые ломали правила. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Левинсон К. Модернизация и школа в Германии на рубеже XIX и XX вв. Новое литературное обозрение, 2010, No. 105. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/le6.html>

Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному. Вопросы психологии, 2011, No. 1, 3–27.

Леонтьев Д.А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности. Вопросы психологии, 2016, No. 3, 3–15.

Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010.

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве. Психологические исследования, 2012, 26(5), 7. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

Марцинковская Т.Д. Субкультура в транзитивном обществе. Вопросы психологии, 2013, No. 4, 57–68.

Марченко А.Т. Мои показания. М.: Московский рабочий, 1991.

Маслоу А. [Maslow A.] Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997.

Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Валидность качественных исследований в ракурсе

полипарадигмальности современной психологии. Вопросы психологии, 2014, No. 1, 28–37.

Морен Э. [Morin E.] Размышления о познании. Вестник Европы, 2012, No. 33.
<http://magazines.russ.ru/vestnik/2012/33/m30-pr.html>

Николаева У.Г. Грозит ли России новое Средневековье? Не феодализм, а нечто более древнее стучится к нам в дверь. Независимая газета, 2016. http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/9_6843_middleages.html

Панеях Э.Л. Гражданское общество: Социальная дезорганизация. Ведомости, 2015, No. 3855.
<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/19/597024-sotsialnaya-dezorganizatsiya>

Петрановская Л.В. Любой тоталитарный режим первым делом разрушает семью, 2016.
<https://openrussia.org/post/view/14028/>

Петрановская Л.В. Травмы поколений. Сознательно.ру, 2013.
<http://www.soznatelno.ru/otnosheniya/travmy-pokoleniiy.html>

Поддяков А.Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Высшая школа экономики, 2014.

Прохорова И.Д. Светское общество и традиционалистское сознание. Почему наш мир таков, как он есть? Природа. Человек. Общество. М.: Соргус; Сноб Медиа, 2015.

Раунинг Г. [Rauning G.] Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке. СПб.: Европейский университет, 2012.

Сергиенко Е.А. Межпарадигмальные мосты. Психологические исследования, 2016, 9(48), 4.
<http://psystudy.ru>

Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд. Психологические исследования, 2012, 5(24), 1. <http://psystudy.ru>.

Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива. Психологический журнал, 2011, 32(1), 120–132.

Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж: YMCA-PRESS, 1975.

Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-традиция, 2005.

Шульман Е.М. Практическая политология: пособие по контакту с реальностью. М.: Издательские решения, 2015.

Яковенко И.Г. Мир через призму культуры. Культурология и россиеведение. М.: Знание, 2013.

Bryman A. Integrating quantitative and qualitative research: how is it done? Qualitative Research, 2006, 6(1), 97–113.

Bryman A. Barriers to Integrating Quantitative and Qualitative Research. Journal of Mixed Methods Research, 2007, 1(1), 8–22.

Creswell J.W. A Framework for Design. In.: J.W. Creswell (Ed.), Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. Thousand Oaks: Sage Publications, 2003.
http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic1334586.files/2003_Creswell_A%20Framework%20for%20Design.pdf

De Lisle J. The Benefits and Challenges of Mixing Methods and Methodologies. Caribbean Curriculum, 2011, Vol. 18, 87–120.

Della Porta D., Keating M. (Eds.). Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Della Porta D., Keating M. In Defence of Pluralism. Combining approaches in the social sciences. International Congress of Political Science. Santiago de Chile, 2009.
http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_1051.pdf

Denzin N.K. Sociological methods: A sourcebook. New Brunswick: Transaction publishers, 1970.

Denzin N.K., Sridhar M.S. Moments, mixed methods, and paradigm dialogs. Qualitative Inquiry, 2010, 16(6), 419–427.

Tashakkori A., Creswell J.W. The New Era of Mixed Methods. Journal of Mixed Methods Research, 2007, 1(1), 3–7.

Tashakkori A., Teddlie C. Mixed methodology: Combining qualitative and quantitative approaches. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998.

Thurmond V.A. The Point of Triangulation. Journal of Nursing Scholarship, 2001, 33(3), 253–258.

Terrell S.R. Mixed-Methods Research Methodologies. The Qualitative Report, 2012, 17(1), 254–280.

Примечания

[1] Не случайно в социогуманитарных науках получил развитие конструкт «холодная гражданская война» – см., например, сборник научных статей «"Холодная гражданская война". Раскол венгерского общества» (2009), посвященный анализу социально-политических и культурно-психологических процессов, происходивших при трансформации Венгрии из постсоветской реальности к современности.

[2] Ментальным конструктом, отвечающим политико-экономическим преобразованиям в глобальном мире, становится *планетарное сознание*. Данный конструкт разрабатывался в концепции французского исследователя Э.Морена [Морен, 2012].

[3] Другой характерный пример – биография А.Т.Марченко, который по отношению к советскому режиму – несоциализированная личность, политзаключенный, а по отношению к будущему – культурный герой, образец чести, достоинства и мужества (см.: [Марченко, 1991]).

Поступила в редакцию 15 мая 2016 г. Дата публикации: 25 декабря 2016 г.

Сведения об авторе

Гусельцева Марина Сергеевна. Доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 6, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Теоретико-методологические основы гармонизации процессов социализации, индивидуализации и идентичности личности в условиях транзитивного общества. Психологические исследования, 2016, 9(50), 6. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Теоретико-методологические основы гармонизации процессов социализации, индивидуализации и идентичности личности в условиях транзитивного общества // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 50. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1357-guseltseva50.html#_edn2

[К началу страницы >>](#)